

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
ПЕРВОЕ
СВИДАНИЕ

"АЛКОНОСТ"
19 21

**Настоящее издание отпечатано
в Девятой Государственной
типографии в количестве
3000 экз. «Р. В. Ц.»**

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ПЕРВОЕ СВИДАНЬЕ

ПОЭМА

Алконост. Петербург. 1921.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Киркою рудокопный гном
Согласных хрусты рушит в томы...
Я—стилистический прием,
Языковые идиомы!
Я — хрустом тухнущая пещь, —
Пеку прием: стихи—в начинку;
Давно поломанная вещь,
Давно пора меня в починку.
Висок—винтящая мигрень...
Душа—кутящая...

И—что же?...

Я в веселящий Духов День
Склонен перед Тобою, Боже!

Язык, запрядай тайным сном!
Как жизнь, восстань и радуй: в смерти!

Встань—в жерди: пучимым листом!
Встань—гучей, горностаем: в тверди!
Язык, запрядай вновь и вновь!
Как бык, обрадуй зыком плоти:
Как лев, текущий рыком в кровь,
О сердце, взмахами милоти!
Орел: тобой пересекусь...
Ты плоти—жест, ты знанью—числа...
«Ха» с «И» в «Же»—«Жизнь»: Христос Иисус—
Знак начертательного смысла...
Ты в слове Слова—богослов:
О, осиянная Осанна
Матфея, Марка, Иоанна—
Язык!.. Запрядай: тайной слов!

О, не понять вам, гномы, гномы:
В инструментаций гранный треск—
Огонь, вам странно незнакомый,
Святой огонь взвивает блеск.

1.

Взойди, звезда воспоминанья;
Года, пережитые вновь:
Поэма—первое свиданье,
Поэма—первая любовь.
Я вижу—дующие зовы.
Я вижу—дующие тьмы:
Войны поток краснобагровый,
В котором захлебнулись мы...
Но, нет *«вчера»* и нет *«сегодня»*:
Все прошлое озарено,
Лишь песня, ласточка Господня,
Горюче взвизгнула в окно...
Блести, звезда моя, из дали!
В пути года, как версты, стали:
По ним, как некий пилигримм,

Бреду перед собой самим...
Как зыби, зыблемые в ветры,
Промчите дни былой весны,—
Свои ликующие метры,
Свои целующие сны...

Год—девятьсотый: зори, зори!..
Вопросы, брошенные в зори...

Меня пленяет Гольбер Гент ¹⁾...
И я—не гимназист: студент..
Сюртук—зеленый, с белым кантом;
Перчатка белая в руке;
Я—меланхолик, я—в тоске,
Но выгляжу немного франтом;
Я, Майей мира полонен,
В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах «poudre Simon»,
Влюбляясь в розы Аткинсона ²⁾.
Но, тексты чтя Упанишад,

¹⁾ Английский прерафаэлит.

²⁾ «Уайт-роза»—духи фабрики Аткинсона.

Хочу восстать Анупадакой ¹⁾,
Глаза таращу на закат
И плачу над больной собакой;
Меня оденет рой Ананд ²⁾
Венцом таинственного дара:
Великий духом Даинанд ³⁾,
Великий делом Дармотарра ⁴⁾...

Передо мною мир стоит
Мифологической проблемой:
Мне Менделеев говорит
Периодической системой;
Соединяет разум мой
Законы Бойля, Ван-дер-Вальса —
Со снами веющего вальса,
С богами зреющею тьмой:
Я вижу огненное море

1) «Анупадака» — безначальный: высокая ступень посвящения.

2) «Ананда» — ученик Будды.

3) Суами Сарасвати Даинанд — проповедник Индии XIX столетия.

4) Дармотарра — буддийский логик, последователь и комментатор философа Дармакирти (школа Дигнаги).

Кипящих веществом существ;
Сию в дыму лабораторий
Над разложением веществ;
Кристаллизуются растворы
Средь колб, горелок и реторт...
Готово: порошок растёрт...

Бывало,—затеваю споры...

Пред всеми развиваю я
Свои смесительные мысли;
И вот—над бездной бытия
Туманы темные повисли...
— «Откуда этот сралаш?»
Рассердится товарищ наш,
Беспечный франт и вечный скептик:
— «Скажи, а ты не эпилептик?»

Меня бывало перебьет
И миф о мире разовьет...

Жил бородатый, грубоватый
Богов белоголовый рой:
Клокочил бороды из ваты;

И—обморочил нас игрой.
В метафорические хмури
Он бросил бедные мозги,
Лия лазуревые дури
На наши мысленные зги;
Аллегорическую копоть,
Раздувши в купол голубой,
Он дружно принимался хлопать
На нас, как пушками, судьбой;
Бросался облачной тропею,
От злобы лопааясь,—на нас,
Пустоголовою толпою,
Ругая нас... В вечерний час, —
Из тучи выставив трезубцы,
Вниз, по закатным янтарям,
Бывало, боги-женолюбцы,
Сходили к нашим матерям...

Теперь переменились роли;
И больше нет метаморфоз;
И вырастает жизнь из соли;
И движим паром паровоз;
И Гревса Зевс—не переладит;
И физик—посреди небес;

И ненароком Брюсов адит;
И гадость сделает Гадес;
И пролетарий — горный летчик;
И — просиявший золотарь;
И переводчик — переплётчик;
И в настоящем — та же старь!

Из зыбей зыблемой лазури,
Когда отвеяна лазурь, —
Сверкай в незыблемые хмури
О месяц, одуванчик бурь!
Там — обесславленные боги
Исчезли в явленную ширь:
Туда серебряные роги,
Туда, о месяц, протопырь!
Взирай оттуда, мертвый взорич,
Взирай, повешенный, и стынь, —
О, злая, бешеная горечь,
О, оскорбленная ледынь!
О, тень моя: о, тихий братец,
У ног ты — вот, как черный кот:
Обманешь взрывами невнятиц;
Восстанешь взрывами пустот.

Но верю: ныне очертили
Эмблемы вещей глубины —
Мифологические были,
Теологические сны,
Сплетаясь в вязи аллегорий:
Фантомный бес, атомный вес,
Горюче вспыхнувшие зори
И символов дремучий лес,
Неясных образов законы,
Огромных космосов волна...

Так шумом молодым, зеленым,—
Меня овеяла весна;

Так в голове моей фонтаном
Взыграл, заколобродил смысл;
Так вьются бисерным туманом
Над прудом крылья коромысл;
Так мысли, легкие стрекозы,
Летят над небом, стрекоча;
Так белоствольные березы
Дрожат, невнятицей шепча;
Так звуки слова «дар *Валдая*»

Балды, над партою болтая, —
Переболтают в «дарвалдая»...

Ах, много, много «дарвалдаев» —
Невнятиц этих у меня.
И мой отец, декан Летаев,
Руками в воздух разведя:
«Да, мой голубчик, — ухо вянет:
«Такую, право, порешь чушь!»
И в глазках крошечных проглянет
Математическая сушь.
Широконосый и раскосый
С жестковолосой бородой
Расставит в воздухе вопросы:
Вопрос — один; вопрос — другой;
Неразрешимые вопросы...
Так над синеющим цветком,
Танцуя в воздухе немом,
Жужжат оранжевые осы.

И было: много, много дум;
И метафизики, и шумов...

И строгой физикой мой ум

Переполюял: профессор Умов 1).
Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
Что парадоксами Максвелл 2)
Уничтожает энтропию,
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновы вихри 3),
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит, летит
Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт — новый...

— «Мир—взлетит!»

Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

Мир — рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи

1) Профессор физики Московского Университета в 900-тых годах.

2) Известный физик.

3) Томсон—английский физик, автор теории вихревого строения вселенной.

Невоплощенной гекатомбой;
Я — сын эфира, Человек, —
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирию эфирной
За миром мир, за веком век.

Из непотухнувшего гула,
Взметая брызги, взвой огня,
Волною музыки меня
Стихия жизни оплеснула:
Из летаргического сна
В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна!), —
Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый, —

— Как Далай-Лама молодой
С белоголовых Гималаев, —

Передробряемой звездой,
На зыби, зыблемые Майей...

В душе, органом проиграв,
Дни, как орнамент, полетели,
Взвиваясь запахами трав,

Взвиваясь запахом мятели.
И веял Май — взвивной метой;
Июнь — серыгою бирюзовой;
Сентябрь — листвою золотой;
Декабрь — пургой белоголовой.
О, лазулитовая лень,
О, меланитовые очи!
Ты, колокольчик белый,—день!
Ты, колокольчик синий,—ночи!

Дышал граненый мой флакон;
Меня онежили *уайт-розы* ¹⁾,
Зеленосладкие, как сон,
Зеленогорькие, как слезы.
В мои стрófические дни
И в симфонические игры,
Багрея, зрели из зари
Дионисические тигры...
Перчатка белая в руке;
Сюртук—зеленый: с белым кантом...
В меня лобзавшем встерке
Я выглядел немного франтом,
Умея дам интриговать

¹⁾ Духи.

Своим резвящимся рассудком
И мысли легкие пускать,
Как мотыльки по незабудкам;
Вопросов комариный рой
Умел развеять в быстротечность,
И—озадачить вдруг игрой,—
Улыбкой, брошенной... в вечность...
Духовный, негреховный свет,—
 — Как нежный свет снегов нездешних,
 Как духовеющий завет,
 Как поцелуи зовов нежных,
 Как струн слова Заратустр,—

Вставал из ночи темной...¹⁾

Я помню: переливы люстр;
Я помню: зал белоколонный
Звучит Бетховеном, волной;
И *Благородное Собрание*,—¹⁾

Как мир—родной (как мир весной),
Как старой драмы замиранье,
Как то, что смеет жизнь пропеть,
Как то, что вест в детской вере...

¹⁾ Зал Благородного Собрания—Московский концертный зал в 900-тых годах.

2.

На серой вычищенной двери
Литая, чищенная медь...

Бывало: пламенная вьюга;
И в ней—прослеженная стезь;
Томя предчувствиями юга,
Бывало, все взрывает здесь;
В глазах полутеней и светов,
Мне лепестящих, нежных цветов
Яснеет снежистая смесь;
Следя перемокревшим снегом,
Озябший, заметный весь,
Бывало, я звонился здесь
Отдаться пиршественным негам.

Михал Сергеич Соловьев,
Дверь отворивши мне без слов,
Худой и бледный, края плэдом
Давно простуженную грудь,
Лучистым золотистым следом
Свечи указывал мне путь,
Качаясь мерною походкой,
Золотохохлой головой,
Золотохохлою бородкой,—
Прищурый, слабый, но живой.

Сутуловатый, малорослый
И бледноносый—подойдет,
И я почувствую, что—взрослый,
Что мне идет двадцатый год;
И вот, конфузясь и дичая,
За круглым ласковым столом
Хлебну крепчающего чая
С ароматическим душком;
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр;
Развеив веером вопросы

Он чубуком из янтаря,—
Дымит струями папиросы,
Голубоглазит на меня;
И ароматом странной веры
Окурит каждый мой вопрос;
И мне навеяв атмосферы,
В дымки просовывает нос,
Переложив на ногу ногу,
Перетрясая пепел свой...

Он—длань, протянутая к Богу
Сквозь нежный ветер пурговой!

Бывало, сбрасывает повязь
С груди—переливной, родной:
Глаза—готическая прорезь;
Рассудок—розблеск искрянной!
Он видит в жизни пустоглазой
Рои лелеяемых эмблем,
Интересуясь новой фазой
Космологических проблем,
Переплетая теоремы
С ангелологией Фомы;
И—да: его за эти темы

Ужасно уважаем мы;
Он книголюб: любитель фабул,
Знаток, быть может, инкунабул,
Слагатель не случайных слов,
Случайно не вещавших миру,
Которым следовать готов
Один Владимир Соловьев...

Я полюбил укромный кров—
Гостеприимную квартиру...

Зимой, в пурговые раскаты
Звучало здесь «На век одно»!
Весною—красные закаты
Пылали в красное окно,
На кружевные занавески,
Для литые янтари;
Любил египетские фрески
На выцветающих драпри,
Седую мебель, тюли, даже
Любил обои цвета «бискр»,—
Рассказы смазанных пейзажей,
Рассказы красочные искр.

Казалось: милая квартира
Таила летописи мира.

О. М., жена его,—мой друг,
Художница—

— (в глухую осень
Я с ней... Позвольте—да: лет восемь
По вечерам делил досуг)—

Молилась на Четьи-Минеи,
Переводила де-Виньи;
Ее пленяли Пиринеи,
Кармен, Барбье д'Оревилли,
Цветы и тюлевые шали—
Все переписывалась с «Алей»,
Которой сын писал стихи,
Которого по воле рока
Послал мне жизни бурелом;
Так имя Александра Блока
Произносилось за столом
«Серезей», сыном их: он—мистик,
Голубоглазый гимназистик:
О Логосе мы спорим с ним,
Не соглашаясь с Трубецким,

Но, соглашаясь с новым словом,
Провозглашенным Соловьевым
О «*Деве Радужных Ворот*», ¹⁾
О деве, что на нас сойдет,
Овеяв бирюзовым зовом,
Всегда таимая средь нас:
Взирала из любимых глаз.

«Серезжа Соловьев»—ребенок,
Живой смышленный ангеленок,
Над детской комнаткой своей
Восставший рано из пеленок,—
Роднею Соловьевской всей
Он встречен был, как Моисей:
Две бабушки, четыре дяди,
И кажется, шестнадцать тетъ
Его выращивали пяди,
Но сохранил его Господь;
Трех лет, ну право же-с, ей Богу-с,—
Трех лет (скажу без лишних слов),

¹⁾ Гностический термин Софии, Премудрости, встречаемый в стихотворении Вл. Соловьева: «Не Изиды Трехвенечная ту весну им принесет, а не тронутая, вечная, *«Дева Радужных Ворот»*...

Трех лет ему открылся Логос,
Шести—Григорий Богослов,
Семи—словарь французских слов;
Перелагать свои святыни
Уже с четырнадцати лет
Умея в звучные латыни,
Он—вот, провидец и поэт,
Ключарь небес, матерый мистик,
Голубоглазый гимназистик,—
Взирает в очи Сони Н-ой,
Огромный заклокочив ключень;
Мне блещут очи—очень, очень—
Надежды Львовны Зариной.
Так соглашаясь с Соловьевым,
Провидим Тайную весной:
Он—Сонечку, живую зовом;
Я—Заревую: в Зариной..

Она!... Мы в ней души не чаем...
Но кто она?... Сидим за чаем:
Под хохот громкий пурговой
Вопрос решаем роковой.
Часы летят... Не замечаем...

— «Скажи, тобой увлечена
«Надежда Львовна Зарина?...

— «Не знаю я..»

— «Быть может?»

— «А?!»

Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр;
Его он сбрасывает кротко
Золото-хохлой головой
С золотохохлою бородкой
Прищурый слабый, но живой;
И клонит кончик носа снова,
В судьбу вопроса рокового:
— «Надежда Львовна Зарина?
«Как?!.. Воплощение Софии?...»

— «В ней мне пророчески ясна
«Судьба священная России:
«Она есть Львовна, дочка Льва;
«Лев — символический, Иудин...

— «Зарин, Лев Львович, — пошлый франт?
«Безусый, лысый коммерсант?»

«Вопрос гностически не труден:
«Серапис, или Апис — бык,
«Таящий неба громкий зык,
«Есть только символ чрезвычайный
«Какой то сокровенной тайны...»

— «Ну хорошо, а что есть Лев?»

— «Иудин Лев — веков напев».

.

Высокий, бледный и сутулый,
Ты где, Сережа, милый брат;
Глаза — пророческие гулы,
Глаза, вперенные в закат:
Выходишь в Вечность... на Арбат ¹⁾);
Бывало: бродишь ты без речи;
И мне ясней слышна, видна:
Арбата юная весна,
Твоя сутулая спина,
Твои приподнятые плечи,
Бульваров первая трава.
И вдруг: как на зеркальной зыбке

1) Улица в Москве.

Пройдут пузырьками рыбки, —
Меж нами умные слова
И вовсе детские улыбки:
И разговор о сем, о том,
О бесконечности, о Бrame,
О Вечности, огромной даме,
Перерастают толстый том;
И на Арбате мчатся в Вечность:
Пролеток черных быстротечность,
Рабочий, гимназист, кадет...;
Проходят, ветер взвив одежды,
Глупцы, ученые, невежды;
Зарозовеет тихий свет
С зеленой вывески: «Надежды» ¹⁾
Над далью дней и далью лет...

Смутяся уличною давкой,
Смутясь колониальной лавкой,
Я упраздняю это все:
«Мир — представление мое!»
Ты — пламенный, в крылатке серой
Средь зданий, каменных пустынь:
Глаза, открытые без меры, —

¹⁾ Писчебумажный магазин на Арбате.

В междупланетную ледынь,
Свои расширенные сини
Бросают, как немой вопрос,
Под шапкой пепельных волос.

Бывало: за Девичьим Полем
Проходит клиник белый рой;
Мы тайну сладостную волим,
Вздыхаем радостной игрой:
В волнах лучистого эфира
Читаем летописи мира.
Из перегаров красных трав
В золотокарей пыли летней,
Порывом пыли плащ взорвав,
Шуршат мистические сплетни...
Проходит за-городом: лес
Качнется в небе бирюзовом;
Проснется зов: «Воамергес!»
Пахнет: Иоанном Богословом...
И — возникает в неба ширь
Новодевичий Монастырь.

Огромный розовый собор
Подъемлет купол златозор;

А небо — камень амиант—
Бросает первый бриллиант;
Забирюзевший легкий пруд,
Переливаясь в изумруд,
Дробим зеркальною волной;
И — столб летает искрянной...
Там небо бледное, упав,
Перетянулось в пояс трав;
Там бездна — вверх, и бездна — вниз:
Из бледных воздушов и риз;
Там в берега плеснет волной —
Молниеносною блесной...

Из мира, суетной тюрьмы, —
В ограду молча входим мы...

Крестов протянутая тень
В густую душную сирень,
Где ходит в зелени сырой
Монашек рясофорный рой,
Где облак розовый сквозит,
Где нежный воздух бирюзит;
Здесь сердце вешее, — измлей
В печаль белеющих лилей;

В лилово-розовый левкой
Усопших, Боже, упокой...

Присел захожий старичок,
Склонясь на палку... В ветерок —
Слетают скорбные листы;
Подъемлют сохлые кресты
Плач переблеклых огоньков
И кляч фарфоровых венков.
Ты, сердце, — неумолчный стриж —
Кого зовешь, о чем визжишь?

Кроваво-красная луна
Уже печальна и бледна...
Из церкви в зелени сырой
Проходит в кельи черный рой;
Рукопростерты кресты
Столпились в ночь... Приди же, Ты, —
Из прежних дней, из прежних лет!..
В часовне — цветоблеклый свет:
В часовне житель гробовой
К стеклу прижался головой;
И в стекла красные глядит,
И в стекла красные стучит.

Чуть фосфореющий из трав,
Сквозною головою встав, —
Подъемлет иннок неживой
Над аналогом куколь свой...

.
.

О, незабвенные прогулки,
О, незабвенные мечты,
Москвы кривые переулки...
Промчалось все: где, юность, ты!..
Перемелькали наши взлеты
На крыльях дружбы и вражды
В неотрывные миголеты,
В неотразимые судьбы,
Чтоб из сумятицы несвязной,
И из невнятиц бытия
В тиски подагры неотвязной
Склонился лысиною я.
Зальются слабнущие светы
Под марамóрохом ¹⁾ зимы

¹⁾ Марамóрохи — народное выражение: в значении «мороки».

Переливнóй струею Леты,
Незаливной струею тьмы...
Рассудку, рухнувшему, больно, —
Рассудку, тухнущему в ночь...
И возникают сны невольно,
Которых мне не превозмочь...

.
Да, — и опора в детской вере,
И Провидения рука —
На этой вычищенной двери
Литая, медная доска:
Михал Сергееч Соловьев
(С таких то до таких часов).

.
Здесь возникал салон московский,
Где из далекой мне земли, —
Ключевский, Брюсов, Мережковский
Впервые предо мной прошли.
Бывало: —

— снеговая стая —
Сплошное белое пятно —
Бросает крик, слетая, тая —
В запорошенное окно;

Над чернокосмой бородой,
Клокоча виснувшие космы
И желчно дующей губой
Раздувши к чаю макрокосмы,
С подпотолочной вышины
Сквозь марамо́рохи и сны
Он рухнет в эмперию кресла, —
Над чайной чашкою склонен,
Сердит, убит и возмущен
Тем, что природа не воскресла,
Что сеют те же господа
Атомистические бредни,
Что декаденты — да, да, да! —
Свершают черные обеды
(Они — пустое решето:
Козлят не с Музой — с сатирессой,
И увенчает их за то
Патриотическая пресса),
Что над Россией—тайный враг
(Чума, монголы, эфиопы),
Что земли портящий овраг
Грызет юго-восток Европы;
Стащивши пару крендельков
С вопросом: «Ну и что ж в итоге?»»

Свои переплетает ноги
Грохочет парой каблуков.

Судьба трагическая дышет
Атмосферическим дымком,
И в «Новом Времени» о том
Демчинский знает, но не пишет:
— «В сознаныи нашем кавардак:»
«Атмосферических явлений»
«Свечений зорь нельзя никак,
«Понять с научной точки зрений».
Он—угрожает нам бедой,
Подбросит огненные очи;
И—запророчит к полуночи,
Тряхнув священной бородой!..

Так в ночи вспыхивает магний;
Бьет электрический магнит;
И над поклонниками Агни,
Взлетев, из джунглей заогнит;
Так погромыхивает в туче
Толпа прохожих громарей;
Так плещут в зыбине летучей,
Сребрея, сети рыбарей.

За ним вдогонку—следом следом,
Михал Сергеич делит путь,
Безмолвный, ровный, края плэдом
Давно простуженную грудь,
Потея в вязаной рубашке,
Со столика приняв поднос,
На столике расставив шашки,
Над столиком поставив нос;
И скажет в пепел папирос
В ответ на новости такие:
— «Под дымкой—все; и всюду—тьень»...
«Но не скудеет Мирликия ¹⁾...
«Однако ж... будет: Духов день!»

Свой мякиш разжевавши хлеба,
Сереза Соловьев под небо
Воскликнет—твердый, как кремь:
— «Не оскудела Мирликия!..
«А ну-ка все, кому не лень,
«В ответ на дерзости такие,—
«В Москве устроим Духов день!»

¹⁾ Родина Николая Чудотворца: аллегорически — «Страна Чудес».

Но Соловьев не отвечая,
Снедаем мировой борьбой,
Проглотит молча чашку чая,
Рукой бросаюсь, как на бой,
На доску: он уткнется в шашки;
И поражают худобой
Его обтянутые ляжки;
Бывало он пройдет к шинели:
В меха шинели кроет взор;
И—удаляется в метели:
Седую головой в бобер;
А вихри свистами софистик
Всклокочут бледный кругозор!
Привзвизгнут: «Вот великий мистик!»
И—пересвищут за забор!

А мы молчим, одним объаты;
В веках—одно: навек одно...
А перезвоны, перекаты
Снежат, как призраки, в окно;
А лампа бросит в занавески,
Свои литые янтари;
Молчат египетские фрески
На выцветающих драпри.

Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенсионное проснется
Переплеснется блеском искр...

Он—канул в Вечность: без возврата;
Прошел в восторг нездешних мест:
В монастыре, в волнах заката,—
Рукопростертый, белый крест
Стоит, как память дорогая;
Бывало он,—оснежен весь,
Светлеет, огоньком мигая;
Бывало, все взревает здесь:
Играет скатерть парчевая,
Снегами воздуха взвивая;
И в ней—прослѣженная стезь;
Хрустя перемокревшим снегом,
Бегу сюда отдаться негам,
Озябший, заметенный весь.

Так всякий: поживет, и—помер,
И—принят под такой-то номер.

3.

Под стук сердец — «в концерт, в концерт» —
Мудрец, юнец. Но что их манит,
То — запечатанный конверт:
Словами тайными обманет;
Немой, загаданный глагол,
Неизрекаемый, — он волит:
То марабóрохами зол,
То добрым делом соглаголет;
Изранит стуками минут,
Багрянит, звуками измуча, —
Такой мяукающий зуд,
Такая дующая туча!...

Звук множит бестолочь голов
И гложет огненное сердце;
И в звуках нет толковых слов;
Здесь не найдешь единовеца;
Из мысли: вылетят орлы;
Из сердца: выйдет образ львиный;
Из воли: толстые волы...
Из звука: мир многоединый.
Тот, звуковой, — во все излит;

Та, звуковая, — золотая;
И этот — камень лазулит;
И этот — пламенная сталь.

У той: —

— Над златокарей згой
Град Гелиополь: дева Отис,
Милюясь лепетной серьгой
Целует цветик, миозотис;
Рогами гранными, как чорт,
Туда — в века, в лазури-ляпис —
Граниторозовый простерт
В нее влюбленный, странный Апис.

У этой: —

— вытечет титан,
Златоголовый, змееногий;
Отзолотит в сырой туман:
И — выгорит, немой и строгий;
Седое облако висит
И, молний полное, блистает,
Очами молний говорит,

Багровой зубриной слетает,
Громово тарарахнув в дуб
Под хохотом Загря-Зевса...

Вот этот вот: он — туп, как... пуп:
Прочел — приват-доцента Гревса...

И дирижирует: Главач ¹⁾.
И дирижирует: Сафонов ²⁾)...
И, фанфаронит: часто—врач;
И, солдафонит: каста «*фонов*»;
Интерферируя наш взгляд
И озонируя дыханье,
Мне музыкальный звукоряд
Отображает мирозданье —
От безобразий городских
До тайн безобразий Эреба,
До света образов людских
Многообразиями неба;
Восстонет в ночь эфирный пад,
В зонах гонит бури знаков:

¹⁾ Петербургский дирижер 900-х годов.

²⁾ Директор московской консерватории этого времени

Золотоколых Ореад,
Златоколых зодиаков...

.
Стой — ты, как конь, заржавший стих —
Как конь, задравший хвост строками —
Будь прост, четырехстопен, тих:
Не топай в уши мне вскамы;
Ведь я не проживу ста лет...
Я — вот... Я — здесь: студент московский
Я — на подъезде...

Люстры свет.

И — Алексей Сергеич П-овский...
И — сердца бег, и — сердца стук.
Сердца — бегут: на звуки... Верьте, —
В субботу вечером наш круг
На Симфоническом концерте...

Проходят, тащатся, текут;
Вокруг — шпалеры кавалеров:
Купцов, ученых, миллионеров
(Седых, муругих, пегих, серых!);
Марковников профессор — тут;

Бурбон... И — рой матрон «мегѳрых»,
И — шу-шу-шу, и — ша-ша-ша,
И — хвост оторван: антраша...
Багровая профессорша;
За ней в очках профессор тощій
Несет изглоданные мощи
И — злое, женино боа;
Вот туалет Минангуá 1):
Одни сплошные валансьены;
И — тонкий торс; и юбка «клошь», —
Не шумно зыблемая рожь,
Не шумно зыблемые пены;
Блистая ручкой костяной,
Взлетает веер кружевной...
О, эти розовые феи!..
О, эти, голубые!.. Ишь: —

Красножилетые лакеи
Играют всером афиш.

Графиня толстая, Толстáя,
Уж загляделась в свой лорнет...

Модная московская портниха 90-х годов.

Выходит музыкантов стая;
В ней кто то, лысиной блистая,
Чихает, фраком отлетая,
И продувает свой кларнет..
Возня, переговоры... Скрежет:
И трудный гуд, и нудный зуд —
Так ноет зуб, так нудит блуд..
Кто это там пилит и режет?
Натянута пустое дно, —
Долдонит бебень барабана,
Как пузо выпуклого жбана:
И тупо, тупо бьет оно...

О, невозможные моменты:
Струнят и строят инструменты...

Вдруг!...

Весь — мурашки и мороз!
Между ресницами — стрекозы!
В озонных жилах — пламя роз!
В носу — весенние мимозы!

Она пройдет — озарена:
Огней зарнёй, неопалимеей...

Надежда Львовна Зарина
Ее не имя, а — «во-и.мя»!..
Браслеты — трепетный восторг —
Бросают лепетные слезы;
Во взорах — горный Сведенборг;
Колье — алмазые морозы;
Серьга — забрежжившая жизнь;
Вуаль провевшая — трепет;
Кисей вуалевая брызнь
И юбка палевая — лепет;
А тайный розовый огонь,
Перебегая по ланитам
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаливший меланитом, —
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи...
Летит вуалевая шаль
На бледнопалевые плечи.

И я, как гиблый Гибеллин,
У Гвельфов ног, — без слов, без цели:
Ее потешный палладин...
Она — Мадонна Рафаэля!
Пройдет, — мы, вспыхнувши, вздохнем,

Идиотически ослабнем...

Пройдет с раскосым стариком,
С курносым, с безволосым бабнем—
Пройдет, и сядет в первый ряд,
Смеясь без мысли и без речи ¹⁾;
И на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд—
Все электрические свечи.
И ей бросает оклик свой —
Такой простой, —Танеев-мейстер ²⁾;
Биноклит в ложе боковой
Красавец обер-полицмейстер ³⁾.

Взойдет на дирижерский пульт,
Пересекая рой поклонов,
Приподымая громкий культ,
Ее почтенный жрец, — Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы, —

1) Стих А. Блока.

2) С. И. Танеев, композитор, теоретик музыки и бывший директор Московской Консерватории.

3) Впоследствии по всей России известный Ф. Тренев.

Короткий, толстый и седой, —
Он выборматывает что-то;
Под люстры палочкой мигнув ¹⁾,
Душой, манжетом, фалдой, фраком
И лаком лысины метнув, —
Валторну поздравляет с браком;
И в строгий разговор валторн
Фаготы прорицают хором,
Как речь пророческая Нори,
Как каркнувший Вотанов ворон;
А он, подняв свою ладонь
В речитативы вьолончеля:
— «Валторну строгую не тронь:
«Она — Мадонна Рафаэля!»
И после, из седых усов
Надувши пухнувшие губы
На флейт перепелиный зов, —
Приказ выкидывает в трубы;
И под Васильем Ильичом,
Руководимые Гржимали ²⁾,

¹⁾ Впоследствии Сафонов диржировал без палочки.

²⁾ Гржимали, исполнявший первую скрипку в оркестре, проф. Моск. Консерватории.

Все скрипканты провизжали,
Поставив ноги калачом.

Бесперый прапор подбородком
Понав в просаки — с кон'пель —
Пройдет по поткам, как по водкам,
Устами разливая хмель;
Задушен фраком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переносек,
Подтопнув, — лысиной Морозов
Надуто лопается в блеск ¹⁾;
За ним — в разлив фиоритуры,
Бросаясь головой, карга
Выводит ченчиком фигуры:
И чертит па, и вертит шуры
Под платьем плисовым нога:
Дрожа, дробясь в колоратуры,
Играет страстная серьга;
Пятно все то же шурым ликом
На руку нервную легло:
Склоняет Скрыбин ²⁾ бледным тиком

¹⁾ М. А. Морозов, московский меценат того времени (смотри портрет Серова).

²⁾ Посетитель Симф. Концертов того времени.

Необъяснимое чело,
И — пролетит скрипичным криком
В рои гностических эмблем,
Мигая из пустых эонов;
Рукою твердой тему тем
За ним выводит из тромбонов
Там размахавшийся Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы, —
Короткий, толстый и немой,
Как бы вынюхивает что-то;
Присядет, вскинув в воздух нос:
Вопрос, разнос во взгляде хитром;
И стойку сделавши, как пёс,
Несется снова над пюпитром;
Задохнется и — оборвет,
Платком со лба стирает пот;
И разделяется поклоном
Меж первым рядом и балконом.

И постоит, и помолчит,
И по пюпитру постучит:
И — все листы перевернулись;
Сердца, как в бой, сердца — рванулись...

И вновь — вскипающая новь;
И вновь — всклокоченная бровь;
И вновь — пройдутся фалды фрака;
И стаю звуков гонит он,
Как зайца гончая собака, —
На возникающий тромбон.

Над пухоперою каргою,
Над чепчиком ея счернён
Жеребчиком мышинным — «он»,
Кто вьется ценною пургою
И льет разменною деньгою,
Кто ночью входит в пёстрый сон
И остро бродит в ней — счернён —
Над ней, над нами, над вселенной
Из дней, своими снами пленный;
Он — тот, который есть не он,
Кому название легион:
Двойкий, многоякий, всякий,
Иль просто окончанье, «Iй»,
Виющийся, старинный змий, —
В свои затягивает хмури,
Свои протягивает дури:
Он — пепелеющая лень

И — тяготеющая тень;
Как Мефистофель, всем постылый,
Упорным профилем, как чорт, —
Рассудок, комик свинойрылый:
К валторне черной он простерт;
Как снег, в овьюженные крыши,
Как в мысли, гложащие мыши, —
В мечты, возвышенные свыше, —
Бросает сверженную сушь:
Сухую прописную чушь;
Упавшим фракком ночь простерши,
Кликуши-души, — ходит он —
Кликуши-души — горше, горше—
Упавшим фракком — душит: в сон!...

Черней, упорней гром в валторне:
Грознее, озорней Она
Грозой молниеносной, горней —
Грозою гор озарена:—

— Так дымом пепелит и мглоет
Внеголовый, мгловый слой;
Как змий, он отдымит ответ
В багровом горизонте мглой:

Слезами облако, светая,
Слезами полное, молчит;
И в волны, в воздух — тая, тая, —
Глазами молнии дрожит,
Как воздыханиями арфы,
Как лепетанием струны —

Души — Марию зрящей Марѳы —
Из просветленной глубины!..

И бросят в арфы, — шали, шарфы,
Вздыхая расей дорогой, —
Вон те, Марии, эти Марфы,
Над жизнью, старую каргой.

Вы, сестры —

— (Ты, Любовь — как роза,
Ты, Вера, — трепетный восторг,
Надежда — лепетные слезы,
София — горний Сведенборг!) —

Соединив четыре силы
В тройкой были глубиной,

Меня примите из могилы,
Светите оком — Той, Одной, —
Мечтой вуалевой, как трепет,
Песущей далевую жизнь
На опечаленный мой лепет
Сквозь звуков маревную жизнь.

Моя Надежда, дева Отис,
Милуясь лепетной серьгой,
Вдыхая цветик, мнототис,
Из зовов арфы дорогой,
Бросает взор, лазури-ляпис,
В воздухолетный септакорд:
И взор, читая звуков запись,
Над миром —

— Аписом —

— простерт!

Перебегает по ланитам
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаляя меланитом,
Таймый розовый огонь.

С неименуемою силой
С неизреченных аллилуй

Ко мне, волнуемому Милой,
Мгновенный свежий поцелуй.

Так из блистающих лазурей
Глазами полными огня ¹⁾,
Ты запевающею бурей
Забриллиантилась — в меня:
Из вышины — разгулы света;
Из глубины — пахнуло тьмой;
И я был взят из молний лета
До ужаса — Тобой: Самой!
Ты на меня сходила снами
Из миротворной тишины:
Моей застенчивой весны
Оголубила глубинами;
И мне открылась звуком бурь
Катастрофической цевницы
И милоглазая лазурь,
И поцелуйная денница:
Ее, о время, — опурпурь!

1) Строка Лермонтова «С глазами полными лазурного огня» перешла в тему Вл. Соловьева «Три свидания», откуда попала в сокращенном виде в мою поэму.

Благонамеренные люди,
Благоразумью отданы:
Не им, не им вздыхать о чуде
Не им — святые ерунды...
О, не летающие! К тверди
Не поднимающие глаз!
Вы — переломанные жерди:
Жалею вас — жалею вас!
Не упадет на ваши бельма
(Где жизни нет — где жизни нет!) —
Не упадет огонь Сент-Эльма
И не обдаст Дамасский свет.
О, ваша совесть так спокойна;
И ваша повесть так ясна:
Так не безумно, так пристойно
Дойти до дна — дойти до дна.
В вас несвершаемые леты
Неутоляемой алчбы —
Неразрывные миголеты
Неотражаемой судьбы...
Жена — в постели; в кухне — повар;
И — положение, и вес;
И положительный ваш говор
Переполняет свод небес:

Где на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд,
Все электрические свечи;
Задушен фраком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Бросаясь лысиной, — Морозов
Надуто лощается в блеск.

И вот идет, огней зарнимей
Сама собой озарена,
Неся, как трэн, свое «во-имя»,
Надежда Львовна Зарина;
Вуали — лепетные слезы;
Браслеты — трепетный восторг;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазные морозы:
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, всерные речи;
Летит вуалевая шаль
На бледно палевые плечи...

— «Скажи, тобой увлечена
«Надежда Львовна Зарина?»
— «Не знаю я...»

— «Быть может?»

— «Да!»

Выходит музыкантов стая,
И кто-то, фракот отлетая,
В чехол слагает свой кларнет...
Пустеет зал и гаснет свет...

У двери — черные шпалеры;
Стоят: мегеры, кавалеры;
И — ша-ша-ша: шуршат, сена,
Атласами спускаясь с хоров...
— «Не та калоша: Каллаша! 1)
Стыдливо низится Егоров 2);
Лысает химик Каблуков — 3)
Проходит в топот каблуков;
Проходит Нос 4) — по воле рока
Он, вы представьте, — без Шенрока!
Выходим!..

1) Каллаш — московский писатель и критик.

2) Математик.

3) Проф. Моск. Университета.

4) Прис. пов. Нос — посетитель концертов того времени.

4.

... Вижу этих дам —
В боа — дородных, благородных;
И — тех: пернатых, страстных дам,
Прекрасных дам в ротондах модных...

Костров каленые столбы
Взовьются в кубовые сини
Из-за редящей толпы;
Стрекозы, рдеющие в иней,
Метаясь гаснут всем, что есть;
Мордастый кучер прогигикнет;
Снегами радостная весть,
Слетая, сладостно воскликнет;
И прометет — и пронесет
Квадратом лаковым из ночи,

Ударит конским потом в рот,
Завертит огненные очи,
Очертит очерк дорогой
Из соболей в окне кареты...

Вдали слезливую серьгой
Играют газовые свету...

И все, что было, все, что есть —
Снеговерченье ясных далей,
Светомолений светлых весту,
Перелетание спиралей!

Но взвоят улицей зима... —

И быстроногою фигурой,
Из ног выметываясь, тьма
Ростет и сумеречит хмуро
На белобокие дома;
И мнится: темные лемуры,
Немые мимы, — из зимы,
Мигая мимо, строят туры
И зреют речью:

— «Ты и мы»!..

Иду, покорный и унылый

Четвероногим двойником:
И — звезденеет дух двукрылый;
И — леденеет косный ком;
Перемерзая и мерцая,
Играя роем хрусталей,
Налью из зеркала лица я
Перезеркаленных лицей, —
И там, под маской, многогрешный,
Всклокочу безысходный срам,
Чтобы из жизни встал крошечный
Безцельный, сумасшедший храм...

Взлетайте выше, злые мимы,
Несясь вдоль крыши снеговой,
Мигая мимо—в зимы, в дымы —
Моей косматой головой!..

О, обступите — люди, люди:
Меня спасите от меня;
Сомкните молнийные груди
Сердцами, полными огня.
Я — зримый — зеркало стремлений,
Гранимый призраком алмаз
Пересеченных преломлений:

Мигнув, отбрасываюсь — в вас,
Как переполненный судьбою
На вас возложенный венец:
Созрею, отдаваясь бою
Родимых, греющих сердец.
Вы — подойдете, я — омолоден;
Вы — отойдете, я — не тот: —
Я переломлен, переполнен
Переполюхами пустот,
Как тени пустолетный конус,
Как облачка высотный лет,
Как бессердечный, вечный тонус
Несуществующих высот.

На тучах строятся фигуры:
И я — изъятьем лицевым,
Дробимый, сумеречный, хмурый,
Несусь по кучам снеговым;
Из ног случайного повесы
Тянусь — безвесый, никакой:
Меня выращивают бесы.
Невыразимую тоской...
Мы — неживые, неродные, —
Спираль чьих-то чуждых глаз:

Мы—зеркала переливные—
Играем в ясный пустопляс;
На стенах летом пляшут пятна;
В стакане светом пляшет винт;
И все—так странно непонятно;
И все—какой то лабиринт...
Глаза—в глаза!.. Бирюзовест...
Меж глаз—меж нас—я воскрешен;
И вестью первую провеет:
Не—ты, не—я!.. Но—мы: но—Он!

А ум, насмешливый, как леший,
Ведет по плоскости иной:
Мы чешем розовые плечи
Под бирюзовую весной;
Перемудрим, перевопросим,
Не переспросим, не поймем,
Мечту безвременную бросим,
По жизни бременно пройдем;
И не выносим, и ругаем
В годах переблиставший дым:
Бодаем жалобным бугаем ¹⁾,

¹⁾ «Бугай»—бык по-малоросійски.

Брыкаем мерином седым.
Рассудок, свинойрылый комик,
Порою скажет в зовы зорь,
Что лучше деревянный домик,
Чем эта каменная хворь;
И спрячет голову, как страус,
Отскочет в сторону, как пёс,
Вмаячив безысходный ха́ос,
В свой обиходный, злой «*хабос*»...
Переварив дары природы
Тупыми животами,—мы
Перетопатываем годы;
И—утопатываем в тьмы.

Вставайте, морочные смены,
Пустовороты бытия,
Как пусто лопнувшие пены,—
Да, вас благословляю я!
Бросай туда, в златое море,
В мои потошные года—
Мое рыдающее горе
Свое сверкающее: «Да»!
Невыразимая Осанна,
Неотразимая звезда,

**Ты Откровением Иоанна
Приоткрывалась: навсегда**

**Кропя духами Аткинсона
Ей ометеленный подъезд,
Пред Нею, тайною иконой,
Я упивался блеском звезд;
Она ко мне сходила снами
Из миротворной глубины
И голубила глубинами
Моей застенчивой весны;
Персты орфической цевницы
Приоткрывали звуком бурь
И поцелуйные денницы,
И милоглазую лазурь.**

**Остановясь перед киотом,
Бывало, нав под фонарем,
Я, полоненный миголетом,
Молением тихим осенем;
В белопокровы, в ветроплясы
Метясь светелицей на нас,
Влача свистящие атласы
Вставал алмазноглазый Спас.**

Бывало: белый переулочек
В снегу—дымит; и снег—летит.
И Богоматерь в переулочек
Слезой перлавою глядит.
Бегу Пречистенкою... Мимо...
Куда? Мета —замечена,
Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна.

Кто там, вклокоченный шинелью,
Скрыв озабоченный свой взор,
Прошел пророческой метелью
(Седую головой—в бобер),
Взвываясь в вой седоволосый,
Своей косякою пурговой,
Снегами сеющий вопросы
На нас из Вечности самой.
А вихри свистами софистик
Заклокотали в кругозор
Взвизжали: «Вот—великий мистик!»
И усвистали за забор.

Мигают звезды теософий
Из неба кубового в вой;

Провеял кризис философий,
Как некий гейзер снеговой:
Так в ночи вспыхивает магний,
Бьет электрический магнит;
И над поклонниками Агни,
Взлетев, из джунглей заогнит..

Бегу Пречистенкою — мимо:
Куда? Мета — замечена;
Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна..

Проснулась на Девичьем Поле
Знакомым передрогом ширь:

— «Пзвозчик: стой»!

— «Со мною, что ли»?

— «В Новодевичий Монастырь»!..

— «Да чтоб тебя: сломасшь сани»!..

.

И снова зов—знакомых слов:

— «Там—день свиданий, день восстаний»!..

— «Ты кто»?

— «Владимир Соловьев:

«Воспоминанием и светом»
«Работаю на месте этом»...

И—никого: лишь белый гейзер...
Так заливается свирель;
Так на рояли Гольденвейзер
Берет уверенную трель.

Бывало: церковка седая
Неопалимой Купины ¹⁾,
В метели белой приседаю,
Мигает мне из тишины;
Перед задумчивым кнотом—
Неугасимый фонарек;
И упадет легким летом
Под светом розовый снежок.
Неопалимов переулок
Пургой перловою кипит;
И Богоматерь в переулок
Слезой задумчивой глядит.

¹⁾ Церковь Неопалимой Купины в Неопалимовском переулке близ Пречистенки и Девичьего Поля.

ЭПИЛОГ.

Двадцатилетием таимый,
Двадцатилетием черён,
Я слышу зов многолюбимый
Сегодня, Троицыным днем,—
И под березкой кружевною,
Простертой доброю рукой,
Я смыв вздыхающей волною
В неутихающий покой.

Троицын День и Духов День.

Петроград, 1921 года.